

Алексей ТКАЛИЧ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОГО ДЕЛА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ В XVIII в.

В статье показан процесс становления церковно-школьного дела на Крайнем Северо-Востоке в XVIII в. Отмечено, что особый вклад в дело поиска наиболее рациональных путей в организации школьного дела в специфических условиях региона в XVIII в. принадлежит главе Камчатской православной миссии архимандриту Иоасафу Хотунцевскому.

The process of forming church-school work in the Far North-East in the 18th century is showed in the article. It is marked that special contribution in search of the most rational ways in organization of school work in specific conditions of the region in the 18th century belongs to the head of Kamchatka Orthodox mission, Archimandrite Joasaph Hotuntsevsky.

Ключевые слова:

Камчатка, духовная миссия Иоасафа Хотунцевского, церковно-школьная деятельность православной церкви; Kamchatka, spiritual mission of Joasaph Hotuntsevsky, church and school activity of the Orthodox Church.

XVIII в. для Камчатки ознаменовался многими яркими событиями: здесь и следовавшие одна за другой камчатские экспедиции, позволившие получить более полное представление о регионе и открыть сравнительно безопасный путь к берегам американского континента; здесь и бунт ительменов против русских, кардинально изменивший представления русских о коренных народах Камчатки; здесь и отправление специальной духовной миссии, призванной придать организующее начало последовательной христианизации аборигенов. Все эти события заметно повлияли на исторические процессы в регионе, а главное, оставили след в истории развития взаимоотношений русского и коренного населения на Крайнем Северо-Востоке в целом.

В нашем исследовании попытаемся сосредоточиться лишь на деятельности специальной духовной миссии (1742–1751 гг.) архимандрита Иоасафа Хотунцевского по открытию школ и церквей на Камчатке.

Многие исследователи, как дореволюционные, так и советские (П. Громов, Г. Севильгаев, А. Казанский и др.), считали факт открытия православной церковью школ на Крайнем Северо-Востоке заметным социально-культурным явлением.

Действительно, без школ сколько-нибудь успешное распространение христианства, русской духовной культуры и образования было бы весьма проблематичным. Интеграция коренных народов региона в российское общество, к чему так стремилась Церковь, не могла осуществляться без усвоения ими основ русской грамоты и культуры.

Во второй половине 40-х гг. XVIII в. на Камчатском полуострове числилось около 6 000 новообращенных христиан, в связи с чем остро вставал вопрос об их постоянном духовном окормлении¹. Решение данного вопроса и было поручено направленной в 1742 г. на Камчатку духовной миссии, во главе которой поставили архимандрита Иоасафа Хотунцевского. Миссия, помимо прочего, должна была поднять статус Камчатки в церковно-административном отно-

ТКАЛИЧ
Алексей
Иванович —
к.пед.н., доцент
Российского
государственного
университета
туризма и сервиса
tkalichai@mail.ru

¹ Аничков-Платонов И.А. О мирном распространении христианства в России. — М., 1845, с. 54.

шении. Для этого Иоасафу Хотунцевскому рекомендовалось именоваться «архимандритом Камчатским»¹.

Духовная миссия Иоасафа Хотунцевского состояла из 11 чел., большинство из которых являлись студентами Славяно-греко-латинской академии. Сам архимандрит Иоасаф также имел непосредственное отношение к образованию – он исполнял обязанности экзаменатора при Академии².

Этой миссии придавалось особое значение. Специальная инструкция Иоасафу Хотунцевскому, гласила: «Велено тебе инородческие школы заводить, и по отправленным с тобою ученым книжкам камчатских отроков обучать алфавиту, часослову, псалтири – низших школ студентам; букварю же и катехизису – студентам школы философии; и смотреть, дабы оные ни единому письму точию обучали, но и разумению Святого Писания с ясным толкованием им преподавали, со всяким достодушным тщанием; а скорописи обучать оных, кои из них, студентов и церковников, в том скорописании искуснейшие»³.

За первые 5 лет пребывания духовной миссии на Камчатке при отсутствии надлежащих строительных материалов и инструментов, при нескрываемом противодействии высших чиновников из Охотска, в ведении которых находилась тогда Камчатка, на полуострове было возведено 8 церквей и несколько часовен. Нужно все это было, по мнению Иоасафа Хотунцевского для того, «чтобы оные церкви... вместо узды были, ибо в присутствии священника... иноземцы [коренные народы Камчатки: коряки и ительмены]... худых своих советов при всегдашнем учении употреблять меньше будут»⁴. В одном из писем архимандрит Иоасаф рекомендует священникам «постов сверх меры не налагать. Но елико возможно, обучать [новокрещеных инородцев] всегдашнему воздержанию, особливо от идоложертвований»⁵.

Увеличивая число церквей и школ при

них, архимандрит Иоасаф стремился, чтобы «одна церковь от другой не более чем на триста верст была» и чтобы, таким образом, «островки» христианства и просвещения не были оторваны друг от друга. В этих же целях начальник миссии снарядил ряд «проповеднических свит» по Камчатскому полуострову, по Охотскому побережью, на реку Анадырь и даже на «Курильскую землю»⁶.

Человек большого ума, богатого духовного опыта, гибкий и предприимчивый администратор, архимандрит Иоасаф в своих инструкциях постоянно указывал членам миссии искать доброго отношения к себе у коренного населения, что в конечном итоге помогало им добиваться успехов.

Следует отметить, что советскими исследователями незаслуженно принижена деятельность миссии Иоасафа Хотунцевского. Даже Г. Севильгаев, наиболее полно изучивший архивные фонды, связанные с деятельностью Камчатской духовной миссии, далек от того, чтобы признать Иоасафа Хотунцевского настоящим просветителем коренного населения Крайнего Северо-Востока. Тем не менее он вынужден отдать должное заслугам Иоасафа Хотунцевского в деле открытия первых школ для аборигенов Камчатки и его поискам наиболее рациональных путей в организации школьного дела в специфических условиях Крайнего Северо-Востока (организация кочевых школ, общежитий при стационарных школах, первой в регионе школы-интерната и пр.)⁷.

Нижеследующие статистические данные иллюстрируют результаты деятельности духовной миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского с 1742 по 1751 г.:

- коренное население региона: около 10 000 чел.;
- число крещеных миссией: 2 964 чел.;
- число построенных церквей: 8;
- число открытых школ: 14;
- обучено русской грамоте: 1/27.

Таким образом, к концу пребывания миссии архимандрита Иоасафа Хотунцевского в регионе число крещеных жителей достигло 9 131 чел., 1/27 часть из которых была обучена русской грамоте. Много это или мало? «Как ни парадоксально это зву-

¹ Громов П. Материалы для истории Камчатских церквей. – Казань, 1909, с. 26.

² Там же, с. 25.

³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ), ф. 1011, оп. 1, ед. 23, л. 42.

⁴ Там же, ед. 9, л. 25.

⁵ Там же, ед. 23, л. 62.

⁶ Там же, ед. 9, л. 3.

⁷ Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. – Л., 1972, с. 61.

чит, — писал в 1939 г. А.Г. Базанов, — но в середине XVIII века, в отношении сети школ, Камчатка выглядела самым образованным уголком Российской Империи»¹. К этим словам неплохо добавить, кому именно обязана она столь заметными успехами.

Иоасаф Хотунцевский большое значение придавал вопросам методики обучения. В одной из инструкций, разработанной для учителей Камчатки, он пишет: «...тое учение производить не спеша». В другой советует «обучать малых отроков со всяким прилежанием, и не токмо словом подлежащего в нем разума», но и «объяснение показывать»².

Особое место в деятельности архимандрита Иоасафа Хотунцевского занимало религиозно-нравственное воспитание детей инородцев. Решающим фактором здесь, по мнению архимандрита Иоасафа, должен был быть наглядный пример поведения учителя и воспитателя: «Между учением показывать образ истинного благочестия, и во всем иметь воздержание... поступать тихо и вежливо, как подобает учителю и рабу Божию... Утром же, вставая, и вечером ложась, всех учеников собрав, молиться краткими молитвами, чтобы дети неотложно навывкали, и от образа взяли себе пример»³.

Чтобы сохранить основной состав учащихся на весь период обучения, не отдавая их даже на время под влияние прежней жизни, Иоасаф Хотунцевский разработал в 1751 г. проект устройства на Камчатке школы-интерната с содержанием учеников на полном государственном обеспечении⁴.

К сожалению, несмотря на столь многообещающее начало в развитии церковно-школьного дела на Крайнем Северо-Востоке, вторая половина XVIII в. стала периодом упадка. Советские исследователи усматривали причины этому в борьбе за сферы влияния, которая разгорелась между светскими и церковными властями на Камчатке в эти годы.

Ситуация на Камчатке значительно осложнилась с отъездом такого авторитетного представителя церкви, каким был архимандрит Иоасаф, а также отсут-

ствием на иркутской кафедре, в подчинении которой находился весь Крайний Северо-Восток, епархиального епископа. Назначенный на архиерейскую кафедру Иоасаф Хотунцевский в Иркутск не прибыл, находясь 6 лет по болезни в Москве, в Высоко-Петровском монастыре. За ходом текущих дел в епархии следить было некому. Некому же было рукополагать новых священников взамен ушедших на покой либо умерших. Поэтому с окончательным отъездом в 1761 г. остальных членов духовной миссии Иоасафа Хотунцевского с Камчатки процесс христианского просвещения коренных народов региона был практически остановлен.

Еще одним немаловажным фактором упадка церковно-школьного дела в тот период многие исследователи считали враждебное по своей сути отношение к нему со стороны местных камчатских властей. «Когда в 1754 году, — писал Н.В. Слюнин, — доброго и честного командира Лебедева сменил В. Чередов, для жителей Камчатки и духовенства настало тяжелое время»⁵. По словам П. Громова, «это было безграничное корыстолюбие с демонической хитростью»⁶. Всех, кто ему не нравился по тем или иным причинам, он объявлял «волшебниками» и подвергал истязаниям. При нем Камчатка узнала кнуты и застенки. Он «поголовно избил» около 100 коренных жителей — коряков, «измучил» иеромонаха Пахомия. Плениснер, следующий камчатский начальник, объявил миссионерские разъезды духовенства обременительными и излишними и считал достаточным, если священник один раз в году посетит своих прихожан. Следующий камчатский начальник, Бэм, хороший в других отношениях, также не любил духовенство и вмешивался в миссионерские дела и церковно-школьное строительство. Так, Шмалев разрешил камчадалам Ичинского прихода построить новую церковь взамен сгоревшей, а Бэм запретил, посчитав такое строительство незаконным. Точно так же, находясь в Большерецке в 1773 г., он нашел тамошнюю церковь в чрезвычайно ветхом состоянии, но новую построить не разрешил, обвинив при этом в беспечности местное духовенство. Что касается

¹ Базанов А.Г. Школы на Камчатке в середине XVIII в. // Советский Север, 1939, № 2.

² РГИА ДВ, ф. 1011, оп. 1, ед. 23, л. 2.

³ Там же, ед. 9, л. 3.

⁴ Севильгаев Г.Ф. Указ. соч., с. 57.

⁵ Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. — СПб., 1900, с. 25.

⁶ Громов П. Указ. соч., с. 5.

школ на Камчатском полуострове, Бэм, как и его предшественники – Извеков и Хметлевский, всячески мешал их деятельность и последовательно закрывал их, считая бесполезными. В результате, как пишет Н.В. Слюнин, к 1779 г. на Камчатском полуострове из 15 школ осталось только 4¹.

По указу от 15 января 1764 г. Сенат приказывал не облагать учащихся иногородческих школ ясаком, а «из доходов Камчатских и за счет Коллегии экономии производить ученикам денежное и хлебное довольствие», и сверх того давать средства на одежду и обувь. Преемник Бэма, Рэйнике (1780–1784 гг.), начал свое правление тем, что закрыл лучшую на Камчатке Ичинскую школу, а учеников и самого ичинского учителя Марка Укусникова, местного уроженца, обложил ясаком. Даже требования Сената не подействовали на Рейнике – школа не была открыта.

В результате действий камчатских начальников резко уменьшилось число церквей, а число школ и вовсе было сведено к нулю.

Таким образом, можно сделать вывод, что невероятные усилия православной церкви в предыдущий период, предпринятые в

т.ч. через духовную миссию архимандрита Иоасафа Хотунцевского, были к концу XVIII в. последовательно сведены на нет непродуманными действиями камчатских начальников. Тем не менее камчатская духовная миссия Иоасафа Хотунцевского выполнила весьма важную для своего времени задачу: посеяла зерна просвещения среди коренных народов – коряков и ительменов, что постепенно начало приносить свои плоды. Аборигены не могли не видеть пользы школьного образования для себя и для своих детей. К примеру, обученный грамоте абориген мог занять место писаря. Хотя оно и не было самым высоким в иерархии камчатских чиновников, однако в материальном отношении он вполне был способен обеспечить и себя, и своих родственников. А главное, коренное население усвоило совершенно новые для себя понятия: «читать», «писать» и «учиться». Это коренным образом изменило их традиционное мировоззрение. «Словом, – писал Н.В. Слюнин, – это было мирное оружие, и будь оно употреблено в более широких размахах и более умно, гораздо скорее положило бы конец всяким бунтам, во время которых пролито так много крови»².

¹ Слюнин Н.В. Указ. соч., с. 24.

² Там же, с. 25.